

УДК 930.85

А. М. Карпенко

**ПЕРЕДАЧА СИМВОЛИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ ПАМЯТНИКОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В СОБСТВЕННОСТЬ РПЦ:
СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ КОНФЛИКТА**

Рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование осознанного отношения к прошлому региона у жителей Калининградской области. Показывается, что особое региональное самосознание, возникшее во взаимодействии с уникальной культурной средой, требует широкой публичной дискуссии при принятии решений о передаче общезначимых культурно-исторических объектов в собственность религиозной организации.

This article focuses on the factors having influenced the formation of the conscious attitude to the past of the Kaliningrad region in the local residents. The author shows that a special regional identity, which developed in the interaction with the unique cultural environment, requires a public discussion as decisions concerning the transfer of the ownership of cultural and historical objects to a religious organisation are made.

Ключевые слова: региональная идентичность, Калининград, коллективная память, гражданское общество, взаимоотношения церкви и государства.

Key words: regional identity, Kaliningrad, collective memory, civil society, church-government relations.

Один из главных политических уроков советского прошлого Калининградской области заключался в том, что «политика идентичности», основанная на отношении к сознанию людей как к губке, с готовностью и без рефлексии впитывающей официальные интерпретации истории, провалилась. Власть долгие годы жила в иллюзорном мире, построенном на принципе односторонней коммуникации «сверху вниз». В этом мире довоенное прошлое можно было запрещать, наделять сугубо отрицательными оценками или попросту игнорировать. Предполагалось, что в низах «самого западного советского гарнизона» автоматически или с помощью нехитрых клише сформируется подозрительное, враждебное отношение к идеологически чуждому «западному» миру. Между тем по ту сторону монументальных полотен идеологий, в пустотах и нишах, свободных от рамок официоза, возникало что-то особое. Новые жители осваивали «малые формы» иной культурной традиции, архитектурную среду и природный ландшафт бывшей Восточной Пруссии, создавали свою реальность существования, накапливали символический и культурный капитал, который позволял им не только адаптироваться к иным условиям жизни, но и привнести в них что-то индивидуальное. Культурная и материальная среда обитания, созданная покинувшими область к 1948 г. жителями, постепенно становилась своей для советских переселенцев. Да, многое из довоенного наследия разрушалось, чему было много причин. Но тем значимей для понимания того, кто такие калининградцы, становятся процессы их контакта с иными культурными традициями — процессы, в которых восточнопрусское прошлое наделялось новыми смыслами и значениями. Формирование осознанного отношения к прошлому этой земли, как показывают исследования Юрия Костяшова и других калининградских историков, началось с самых первых лет основания советской области. Возможно, переселенцы и их потомки были чуточку более дерзкими и любопытными, чуточку более индивидуалистами и в каком-то смысле авантюристами, чем их соотечественники, оставшиеся на «большой земле». В более позднее советское время моряки и рыбаки, возвращавшиеся из заграничных плаваний, «поездки выходного дня» к тогда еще не закрытым границей Шенгена «прибалтийским соседям» вносили дополнительный колорит в жизнь калининградцев, усложняя мозаику их контактов с «чужой культурой».

У калининградцев довольно много лет ушло на то, чтобы осознать себя постоянными, а не временными жителями этой земли. Людями, которые стремятся не просто изучать прошлое этого места — довоенное, военное, послевоенное, — но постоянно его проживать и актуализировать в настоящем. Многие произошло в 1990-е и 2000-е гг., когда область открылась внешнему миру и калининградцы смогли практически, в повседневной своей деятельности познакомиться с иными формами устройства и восприятия жизни, прежде всего в Польше, Германии, Литве, странах

региона Балтийского моря. Таким образом, за все годы существования области возникла среда, в которой уникальным, своим, ни на кого не похожим образом переживаются пространство и время. Калининградца нельзя определить принадлежностью к той или иной этнической или религиозной группе. Общим для людей, живущих в этом российском анклав, является опыт освоения и контакта с иными культурами. Калининградцы чувствуют себя особенным российским сообществом, которое хочет быть открытым миру, внимательным и чутким к тому, что происходит за границами области, способным по-своему осознать опыт жизни в соседстве европейских стран. Открытый характер регионального самосознания позволяет стать калининградцем и тому, кто не родился тут, но почувствовал своим и близким этот регион с его особой судьбой. И уехав, калининградец не перестает быть калининградцем.

Региональное сообщество обладает значительным потенциалом интеграции российской и европейской культуры и способно опробовать новые образцы социального и культурного взаимодействия на самых разных уровнях, от высокого до повседневного. Калининградцам есть что предложить и остальной России, и Европе. И это не только природные ландшафты или архитектурные артефакты. У местного сообщества есть своя, калининградская перспектива. У области есть особенная атмосфера, которая может стать ключевым фактором для креативного регионального развития. Инновации подразумевают, прежде всего, новый тип социальных отношений. Они возникают в среде, основным признаком которой выступает не конформизм «населения», но индивидуальность, открытость и любознательность граждан. Дискуссия о прошлом в таком регионе становится площадкой для диалога, источником развития, а не питательной средой для антагонизма и агрессии.

Упрощающие идеологические схемы привычно отфильтровывали сложность жизненных форм по обе стороны «железного занавеса» в период холодной войны. Потребовались десятилетия, наполненные политическими и культурными событиями, научной работой, интенсивными контактами, чтобы начал формироваться язык, позволяющий наиболее точно ухватить, адекватно описать социальную реальность и процессы, происходящие на островке российской земли в окружении новой Европы. Тем не менее старые «словари» демонстрируют удивительную прочность, вновь и вновь подменяя рефлексивные умственные упражнения наборами клише и стереотипов. Попытки отрицать уникальность калининградцев как группы, относиться к ним «как ко всем» встречают сопротивление, стремление защитить чувство собственного достоинства и сохранить создававшуюся десятилетиями среду обитания. Один из последних конфликтов символической политики был запущен недавним решением Калининградской областной думы о передаче в собственность РПЦ ряда исторических и культурных «объектов», имеющих огромное значение для местного сообщества.

В дебатах о передаче «объектов» между властями, РПЦ и СМИ вновь был актуализирован способ восприятия мира, основанный на подозрительности, недоверии, закрытости. Главный публичный аргумент сторонников решения строится на нагнетании возможной угрозы. Калининградцам необходимо испугаться того, что придут «реваншисты», прикрывшиеся маской лютеранских и католических организаций, и всё отберут. Поэтому надо самим поскорей это всё переоформить в собственность РПЦ, чтобы еще раз утвердить в области российское присутствие. Подобный алармистский тон, задающий чуть ли не осадное положение, позволяет заинтересованным сторонам спешно принять региональный закон в отсутствие широкой публичной дискуссии. К тому же видимая срочность вопроса не предполагает вынесение на публичное обсуждение концепций использования объектов новым собственником. Тех, кто задает вопросы о будущей судьбе организаций, размещающихся в стенах переданных объектов, а также планах реконструкции памятников, уверяют в том, что по сути ничего не изменится. Продолжающих спрашивать: а зачем, собственно, затеяна передача, если все останется на своих местах, — называют «немецкими наймитами». Собственно говоря, другой роли в этом поле мышления, заданном восприятием внешнего мира как врага, сомневающимся и не предназначено. В дискурсе «великодержавного патриотизма» им суждено остаться маргиналами, защищающим свои, сугубо личные, чуждые большинству интересы.

Вместе с тем вопрос о смене собственника имеет огромную социальную значимость и оказывает влияние на все региональное общество, сложившееся отнюдь не по признаку единой этнической и религиозной идентификации. Конфликт не связан исключительно лишь с судьбой отдельных организаций, занимающих на данный момент «объекты»: 15 кирх и замков бывшей Восточной Пруссии в Калининградской области, переданных Думой РПЦ, — не просто объекты недвижимости. Еще в меньшей степени их можно отнести к «объектам религиозного назначения». Смена собственника подразумевает не просто передачу стен или зданий. Под возможной угрозой оказывается дальнейшее существование и развитие уникальных культурных и социальных прак-

тик, сложившихся за годы взаимодействия калининградцев с этими символически важными объектами. Кукольный театр в кирхе Луизы, концертный зал филармонии с органом в кирхе Св. Семейства, замок Инстербург, кирха Арнау — с каждым из этих названий связаны личные истории, глубокие чувства, неповторимый опыт и яркие воспоминания множества жителей области и ее гостей. Решение об их передаче РПЦ было принято скоропалительно, списком, без выделения каждого конкретного случая и без предварительного публичного обсуждения законопроекта. Более того, решение принималось без учета знакового смысла этих памятников не только для калининградцев, но и для наших европейских соседей. Множество вопросов, связанных с судьбой каждого конкретного «объекта», закономерно возникающих у калининградцев, остается без ответов, что создает излишнее напряжение и не вносит дополнительную ясность в ситуацию.

Безусловно, массовая передача памятников, являющихся достоянием всех граждан, в собственность единственной религиозной организации, не связанной с этими «объектами» очевидно ни исторически, ни культурно, ни социально, может быть вполне легально оформлена региональным законом. Вместе с тем в данном случае налицо дефицит легитимности, то есть принятия, поддержки, понимания обществом этого решения. Отказ региональному сообществу в возможности самостоятельно и публично разобраться с тем, какой оно хотело бы видеть дальнейшую судьбу значимых мест, в очередной раз задевает чувство собственного достоинства калининградцев. Как показывает недавнее прошлое, именно недостаток поддержки обществом решения властей может стать катализатором серьезного социального недовольства. При этом не стоит ожидать, что у общества выработается единое, консолидированное мнение по поводу этих объектов. Скорее, мы будем иметь дело с калейдоскопом видений проблемы и вариантов решения. Но эта мозаика должна получить возможность публичной артикуляции и открытого согласования интересов.

Об авторе

Анна Михайловна Карпенко — канд. полит. наук, социальный исследователь, e-mail: a_karpenko@yahoo.com

Author

Dr. Anna Karpenko, Social researcher, e-mail: a_karpenko@yahoo.com